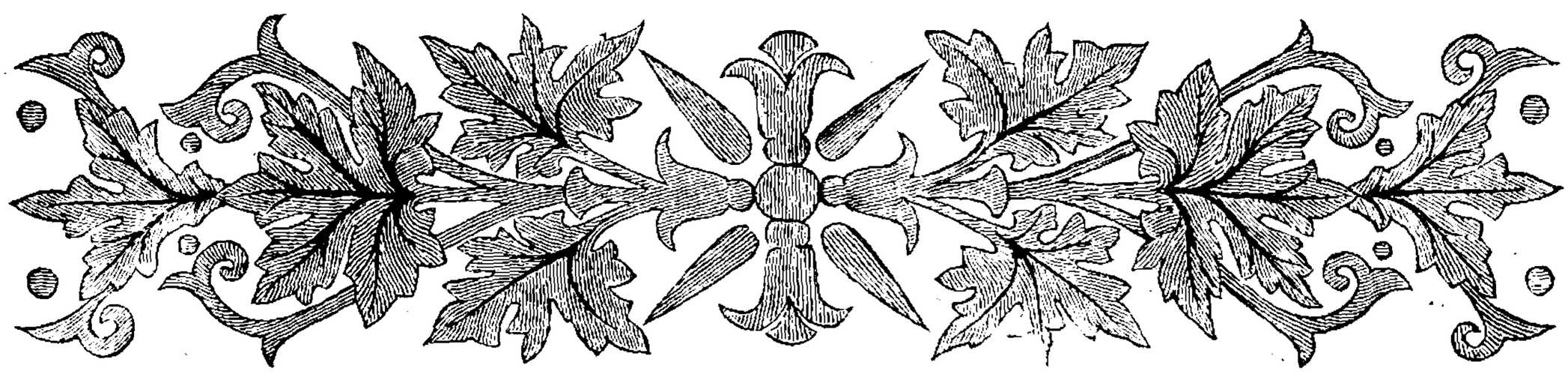
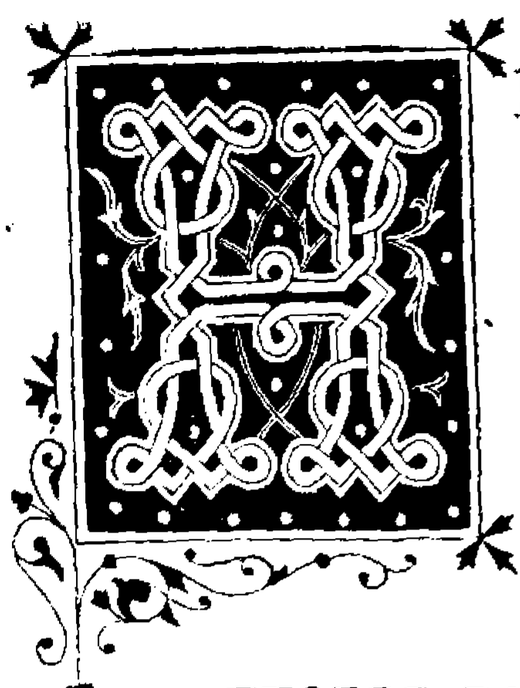


ГОЛОДА ВЪ РОССІИ.

Историческій очеркъ[1]).

«Обязанность правительства заключается въ спасеніи каждаго человѣка, и окружные чиновники должны заботиться о томъ, чтобы люди не умирали съ голода».

(Report of the Indian Famine Commission. London. 1880).



НЕУРОЖАИ, постигшіе за послѣдніе года нѣкоторыя русскія губерніи, и плохой урожай 1885 года выдвинули на очередь вопросъ о реформѣ нашего продовольственнаго устава.

Этотъ вопросъ былъ поднятъ нашей періодической печатью еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, и имъ особенно занялась газета «Русскія Вѣдомости». Почтенная газета (въ № 198), перечисляя всѣ способы, до сего времени предпринимаемые въ продовольственномъ вопросѣ, приходитъ къ необходимости—водворить взаимное страхованіе отъ неурожая хлѣба; указывая на существующую нынѣ систему продовольствія страны, газета говоритъ слѣдующее: «Переустройство этой послѣдней на началахъ страхованія гораздо болѣе соотвѣтствуетъ цѣли, но и оно не разрѣшаетъ вопроса, если дѣятельность страховаго учрежденія будетъ ограни-

---

[1]) Настоящая статья есть извлеченіе изъ магистерской диссертаціи, составляющей плодъ пятилѣтнихъ трудовъ и имѣющей выйдти въ свѣтъ со временемъ.

чена предѣлами одной губерніи. Въ виду крайняго разнообразія въ размѣрѣ рисковъ по мѣстностямъ, страховыя преміи въ однѣхъ губерніяхъ будутъ ничтожны, тогда какъ въ другихъ, находящихся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, онѣ неминуемо достигнутъ такой высоты, что сдѣлаются непосильными для плательщиковъ». Газета приходитъ къ заключенію, что страхованіе должно быть общегосударственнымъ и что существующая система продовольственныхъ ссудъ должна быть замѣнена системой безвозвратныхъ пособій.

Тотъ же вопросъ былъ поднятъ и земскими учрежденіями. Между прочимъ, херсонское земство, въ виду того ненормальнаго положенія, въ какомъ находится дѣло народнаго продовольствія, ходатайствовало передъ правительствомъ объ образованіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи, съ участіемъ представителей отъ земства, для пересмотра устава о народномъ продовольствіи.

Эти явленія указываютъ, что реформа нашего продовольственнаго дѣла является неотложно и безусловно необходимою. Но путеводною нитью въ этой реформѣ можетъ быть лишь исторія голодовъ и вообще всей русской продовольственной политики, очень мало знакомая въ Россіи, а потому небезполезно посвятить ей отдѣльную статью.

I.

Голода въ Россіи съ XI столѣтія до Бориса Годунова.

До самаго позднѣйшаго времени единственною причиной голодовъ въ Россіи были неурожаи.

Древняя Россія не знала современныхъ факторовъ голодовъ, какъ-то: истощенія почвы и искусственной дороговизны. Это явленія позднѣйшаго времени, возникшія подъ вліяніемъ безобразной арендной системы и стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ. Въ древней Россіи встрѣчается только одинъ искусственный факторъ голодовъ — это военныя событія: занятіе непріятелемъ хлѣбородныхъ мѣстностей, осада города или такое положеніе, при которомъ городъ отрѣзывался отъ селъ и деревень. До 1024 года мы не встрѣчаемъ извѣстій о голодахъ въ Россіи, хотя ихъ бывало много на памяти людей, жившихъ до этого года; но лѣтопись не упоминаетъ болѣе раннихъ голодовъ, а потому необходимо счесть первымъ извѣстіемъ о голодахъ—извѣстіе о голодѣ 1024 года. Въ этомъ году голодъ поразилъ сѣверную Суздальскую область и произошелъ, по словамъ лѣтописца, вслѣдствіе неурожая. Существованіе голодовъ въ Россіи ранѣе 1024 года подтверждается съ одной стороны словами лѣтописца, что «жители Суздальской области, во время голода 1024

года, отправились внизъ по Волгѣ и привезоша хлѣба изъ Болгаръ»; съ другой же стороны словами великаго князя Ярослава, что «голодъ есть Божіе наказаніе и что Богъ наводитъ, по грѣхомъ на кующдо землю гладомъ или моромъ, или вёдромъ». Стало быть, голодъ давно былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ въ Россіи, и суздальцы уже въ 1024 году знали средство и пути противъ голода, знали откуда доставать хлѣбъ. Слова Ярослава, что «голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ вёдра», вполнѣ подтверждаются историческими фактами, такъ какъ и въ послѣдующіе вѣка Россія страдала почти исключительно отъ засухи, жаровъ или морозовъ, вообще отъ вёдра. Не входя въ подробное описаніе голодовъ, бывшихъ въ Россіи съ начала XI до конца XVI вѣка, мы сдѣлаемъ лишь краткій перечень главныхъ изъ нихъ.

За это время въ Россіи было 15 жестокихъ голодовъ:

Въ 1024 году, частный голодъ довелъ голодныхъ до того, что они рѣзали старыхъ женщинъ и прислугу.

Въ 1070 году, частный голодъ довелъ до того, что голодные убивали своихъ родныхъ.

Въ 1092 году, во многихъ областяхъ былъ общій голодъ со всѣми ужасами голодной смерти.

Въ 1128 году—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1215 году—ужасная смертность въ Новгородѣ.

Въ 1230 и 1231 годахъ—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1279 году—голодъ во многихъ областяхъ.

Въ 1309 году—голодъ по всей Россіи.

Въ 1332 году—голодъ и дороговизна.

Въ 1422 году—общій неурожай и голодъ.

Въ 1442 году—общій десятилѣтній неурожай и голодъ.

Въ 1512 году—общій неурожай.

Въ 1553—страшная смертность отъ голода.

Въ 1557—большой голодъ по всей Россіи и смертность.

И въ 1570 году—то же самое явленіе. Среднимъ числомъ на каждое столѣтіе приходилось по 8 неурожаевъ, и повторялись они черезъ каждыя 13 лѣтъ.

Что касается до мѣръ, которыми наши предки боролись съ голодами втеченіе этихъ шести столѣтій, то онѣ заключались въ подвозѣ хлѣба и въ заготовленіи хлѣбныхъ запасовъ, сначала частными лицами, а потомъ и обществами, монастырями и городами.

чена предѣлами одной губерніи. Въ виду крайняго разнообразія въ размѣрѣ рисковъ по мѣстностямъ, страховыя преміи въ однѣхъ губерніяхъ будутъ ничтожны, тогда какъ въ другихъ, находящихся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, онѣ неминуемо достигнутъ такой высоты, что сдѣлаются непосильными для плательщиковъ». Газета приходитъ къ заключенію, что страхованіе должно быть общегосударственнымъ и что существующая система продовольственныхъ ссудъ должна быть замѣнена системой безвозвратныхъ пособій.

Тотъ же вопросъ былъ поднятъ и земскими учрежденіями. Между прочимъ, херсонское земство, въ виду того ненормальнаго положенія, въ какомъ находится дѣло народнаго продовольствія, ходатайствовало передъ правительствомъ объ образованіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой коммиссіи, съ участіемъ представителей отъ земства, для пересмотра устава о народномъ продовольствіи.

Эти явленія указываютъ, что реформа нашего продовольственнаго дѣла является неотложно и безусловно необходимою. Но путеводною нитью въ этой реформѣ можетъ быть лишь исторія голодовъ и вообще всей русской продовольственной политики, очень мало знакомая въ Россіи, а потому небезполезно посвятить ей отдѣльную статью.

I.

Голода въ Россіи съ XI столѣтія до Бориса Годунова.

До самаго позднѣйшаго времени единственною причиной голодовъ въ Россіи были неурожаи.

Древняя Россія не знала современныхъ факторовъ голодовъ, какъ-то: истощенія почвы и искусственной дороговизны. Это явленія позднѣйшаго времени, возникшія подъ вліяніемъ безобразной арендной системы и стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ. Въ древней Россіи встрѣчается только одинъ искусственный факторъ голодовъ — это военныя событія: занятіе непріятелемъ хлѣбородныхъ мѣстностей, осада города или такое положеніе, при которомъ городъ отрѣзывался отъ селъ и деревень. До 1024 года мы не встрѣчаемъ извѣстій о голодахъ въ Россіи, хотя ихъ бывало много на памяти людей, жившихъ до этого года; но лѣтопись не упоминаетъ болѣе раннихъ голодовъ, а потому необходимо счесть первымъ извѣстіемъ о голодахъ—извѣстіе о голодѣ 1024 года. Въ этомъ году голодъ поразилъ сѣверную Суздальскую область и произошелъ, по словамъ лѣтописца, вслѣдствіе неурожая. Существованіе голодовъ въ Россіи ранѣе 1024 года подтверждается съ одной стороны словами лѣтописца, что «жители Суздальской области, во время голода 1024

года, отправились внизъ по Волгѣ и привезоша хлѣба изъ Болгаръ»; съ другой же стороны словами великаго князя Ярослава, что «голодъ есть Божіе наказаніе и что Богъ наводитъ, по грѣхомъ на кующдо землю гладомъ или моромъ, или вёдромъ». Стало быть, голодъ давно былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ въ Россіи, и суздальцы уже въ 1024 году знали средство и пути противъ голода, знали откуда доставать хлѣбъ. Слова Ярослава, что «голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ вёдра», вполнѣ подтверждаются историческими фактами, такъ какъ и въ послѣдующіе вѣка Россія страдала почти исключительно отъ засухи, жаровъ или морозовъ, вообще отъ вёдра. Не входя въ подробное описаніе голодовъ, бывшихъ въ Россіи съ начала XI до конца XVI вѣка, мы сдѣлаемъ лишь краткій перечень главныхъ изъ нихъ.

За это время въ Россіи было 15 жестокихъ голодовъ:

Въ 1024 году, частный голодъ довелъ голодныхъ до того, что они рѣзали старыхъ женщинъ и прислугу.

Въ 1070 году, частный голодъ довелъ до того, что голодные убивали своихъ родныхъ.

Въ 1092 году, во многихъ областяхъ былъ общій голодъ со всѣми ужасами голодной смерти.

Въ 1128 году—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1215 году—ужасная смертность въ Новгородѣ.

Въ 1230 и 1231 годахъ—страшный голодъ и смертность по всей Россіи.

Въ 1279 году—голодъ во многихъ областяхъ.

Въ 1309 году—голодъ по всей Россіи.

Въ 1332 году—голодъ и дороговизна.

Въ 1422 году—общій неурожай и голодъ.

Въ 1442 году—общій десятилѣтній неурожай и голодъ.

Въ 1512 году—общій неурожай.

Въ 1553—страшная смертность отъ голода.

Въ 1557—большой голодъ по всей Россіи и смертность.

И въ 1570 году—то же самое явленіе. Среднимъ числомъ на каждое столѣтіе приходилось по 8 неурожаевъ, и повторялись они черезъ каждыя 13 лѣтъ.

Что касается до мѣръ, которыми наши предки боролись съ голодами втеченіе этихъ шести столѣтій, то онѣ заключались въ подвозѣ хлѣба и въ заготовленіи хлѣбныхъ запасовъ, сначала частными лицами, а потомъ и обществами, монастырями и городами.

II.

Голодъ при Борисѣ Годуновѣ.

XVII столѣтіе открылось голодомъ при Борисѣ Годуновѣ въ 1601 и 1602 годахъ. Весна 1601 года была очень дождлива. Втеченіе 10-ти недѣль, почти не переставая, лили дожди: нельзя было ни косить, ни жать, а 15-го августа морозъ побилъ озимые хлѣба и плоды. Народъ пришелъ въ ужасъ. Хотя въ житницахъ и гумнахъ было немало стараго хлѣба, но, къ несчастью, земледѣльцы засѣяли поля новымъ хлѣбомъ, гнилымъ и тощимъ, и не видали всходовъ ни осенью, ни весной: все истлѣло и смѣшалось съ землей. Запасы были истощены, поля не засѣяны. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли: четверть ржи продавалась за 21 рубль по нынѣшнему курсу. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и другихъ городахъ и въ то же время убѣдилъ духовенство и вельможъ, чтобы они продавали свои запасы по низкой цѣнѣ. Въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ московской деревянной стѣны, лежали кучи серебра для бѣдныхъ, и ежедневно въ 1 часъ по полудни каждому изъ нихъ давали по копѣйкѣ.

«Но, не смотря на всѣ эти мѣры,—пишетъ Карамзинъ,—голодъ продолжалъ свирѣпствовать, потому что барышники обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ и боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и получать безсовѣстные барыши; при этихъ условіяхъ бѣдные, получая въ день только по копѣйкѣ, не могли питаться.

«Само благодѣяніе обратилось въ зло для столицы: изо всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая этимъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей безъ всякой пользы». Голодъ, все усиливаясь и усиливаясь, достигъ наконецъ своего апогея.

Нельзя безъ ужаса читать описаній современниковъ: «Свидѣтельствуюсь истиной и Богомъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ; ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей, оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили и убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ гостинницъ, потому что послѣднія стали вертепами душе-

губства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ, матери глотали трупы своихъ младенцевъ. Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду, но преступленія не уменьшались. И въ это-то время были люди, копившіе хлѣбъ, въ надеждѣ продать его дороже. Множество гибло въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали и издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ на свое иждивеніе хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Пристава ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки, или коты, и сотнями возили за городъ на 3 кладбища, гдѣ втеченіе двухъ лѣтъ и 4-хъ мѣсяцевъ было похоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ благочестивыми людьми у церквей приходскихъ». По словамъ современниковъ, въ одной Москвѣ умерло отъ голода и холода 500,000, а въ селахъ и другихъ областяхъ несравненно болѣе. Зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Неестественная пища также производила болѣзни и смерть, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ, куда царь послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ. Ни одного города въ Россіи царь не оставилъ безъ помощи, и если не спасъ многихъ, то вездѣ уменьшилъ число жертвъ: сокровищница московская казалась неистощимою. Царь скупалъ хлѣбъ въ ближайшихъ мѣстахъ по цѣнѣ, имъ назначенной, у богатыхъ людей, по соглашенію съ ними и противъ ихъ воли; посылалъ въ далекія изобильнѣйшія мѣста свидѣтельствовать гумна, гдѣ еще были огромные скирды, втеченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями. Хлѣбъ молотили тамъ на мѣстѣ и везли въ Москву и другія области. Перевозка хлѣба была сопряжена съ большими затрудненіями: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ, ни корму, ямщики и крестьяне разбѣжались.

«Обозы шли Россіею, какъ бы пустынею африканскою,—говоритъ Карамзинъ,—подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ на улицахъ и рынкахъ силою отнимали съѣстное».

Наконецъ, дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и къ началу 1603 года, исчезли всѣ признаки голода, снова явилось такое изобиліе, что четверть хлѣба упала въ цѣнѣ съ 21 рубля до 70 копѣекъ (по нынѣшнему курсу), къ восхищенію народа и отчаянію перекупщиковъ, имѣвшихъ громадные запасы ржи и пшеницы.

Для борьбы съ голодомъ впервые въ Россіи были устроены Борисомъ общественныя работы—въ 1600, 1601 и 1602 годахъ. Въ 1600 году, была построена колокольня Ивана Великаго, а въ 1601 и 1602 году, на мѣстѣ сломаннаго дворца Іоанна Грознаго,

были построены двѣ большія каменныя палаты: къ Золотой и Грановитой палатамъ были пристроены—Столовая и Панихидная.

Спрашивается теперь: что же произвело голодъ 1601 и 1602 годовъ?

Неурожай и барышничество.

Какія мѣры употребилъ Борисъ для борьбы съ голодомъ?

Продажу хлѣба, раздачу его, равно какъ и денегъ, и общественныя работы.

О послѣднихъ мы, впрочемъ, здѣсь не будемъ говорить подробно, такъ какъ намъ неизвѣстна ни сумма, употребленная на общественныя работы, ни количество народа, занятаго ими. Мы, конечно, можемъ предполагать, что и та и другое были очень велики, потому что на небольшую сумму и съ небольшимъ количествомъ народа нельзя произвести тѣхъ громадныхъ построекъ, какія Борисъ произвелъ съ помощью общественныхъ работъ. Но нѣтъ никакихъ основаній приписывать вліянію послѣднихъ ослабленіе голода, такъ какъ нѣтъ на лицо статистическихъ данныхъ, подтверждающихъ, что общественныя работы были въ данномъ случаѣ полезны. Что касается до раздачи денегъ, то она не принесла никакой пользы, что̀ уже ясно изъ словъ Карамзина, приведенныхъ нами выше: «Бѣдные, получая въ день только по одной копѣйкѣ, не могли питаться. Раздача царской милостыни увеличила только число нищихъ; ежедневно раздавалось нѣсколько тысячъ рублей безъ всякой пользы». Такимъ образомъ, остается только одна помощь хлѣбомъ: раздача его и продажа по дешевой цѣнѣ, какъ изъ царскихъ житницъ, такъ и съ гуменъ богатыхъ людей изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ, скупка хлѣба царемъ и продажа его по дешевой цѣнѣ. Словомъ голодъ былъ ослабленъ подвозомъ хлѣба, сближеніемъ людей съ хлѣбомъ.

Велика была заслуга Бориса въ то тяжелое для Россіи время: своею энергіею и распорядительностью онъ остановилъ небывалый, по своей силѣ, голодъ, вызвавшій людоѣдство и полумилліонную смертность въ одной только Москвѣ.

Болѣе слабые голода, постигавшіе Россію послѣ Бориса и даже въ недавнее время, не вызывали противъ себя такихъ энергическихъ мѣръ, какія принялъ Борисъ. А между тѣмъ, время его царствованія было временемъ неразвитости и дикости въ Россіи; да и въ самой Европѣ въ то время еще не помышляли о мѣрахъ противъ голодовъ. Мѣры, принятыя Борисомъ, можно приписать только его личному генію, энергіи и рѣдкимъ способностямъ управлять государствомъ, воспитаннымъ въ немъ, благодаря его близости къ Іоанну Грозному, въ царствованіе котораго ему приходилось постоянно изучать, какъ не слѣдуетъ управлять людьми. Борисъ впервые употребилъ ту мѣру, которая характеризуетъ собою

соціальную политику русскаго правительства, вплоть до Екатерины II, въ дѣлѣ борьбы съ голодами: это именно обязательство, налагаемое на богатыхъ людей, продавать запасы хлѣба бѣднымъ. Эта мѣра, какъ мы увидимъ далѣе, приняла впослѣдствіи болѣе острый видъ, бо́льшую форму насилія. Безъ этого нельзя было обойдтись: общественныхъ и правительственныхъ хлѣбныхъ запасовъ было немного, и въ этой мѣрѣ выражалось, стало быть, тогдашнее безсиліе власти въ борьбѣ съ голодами. Но разница между Борисомъ и позднѣйшими правителями заключается въ томъ, что первый употребилъ эту мѣру лишь какъ одну въ ряду другихъ, между тѣмъ какъ Петръ Великій и его преемники не знали почти никакой другой мѣры, кромѣ насилія надъ богатыми, для помощи бѣднымъ. Во время Бориса, мы также въ первый разъ встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ, незнакомымъ древней Россіи: съ искусственной дороговизной хлѣба, создаваемой перекупщиками; но энергическая дѣятельность Бориса по скупкѣ хлѣба поставила барышниковъ въ затруднительное положеніе: цѣна хлѣба упала съ 21 рубля до 70 копѣекъ (въ 30 разъ), и они, съ ихъ тайными запасами, раззорились совершенно. Дѣятельность Бориса въ борьбѣ съ голодомъ подтверждаетъ истину, на которую мы имѣли случай указывать ранѣе [1]): а именно, что подвозъ хлѣба въ голодающую мѣстность является одною изъ радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ голодами. Тюрго спасъ этимъ Францію, древняя Русь спасала себя этимъ много разъ; мы видимъ, что и Русь временъ Бориса спасла себя этимъ средствомъ отъ небывалаго въ нашей исторіи голода.

III.

Голода съ начала XVII до конца XVIII столѣтія.

Втеченіе всего этого длиннаго историческаго періода, мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о голодахъ, но не видимъ раціональной борьбы съ ними. Слабыя попытки, недоконченныя мѣры, добрыя намѣренія, насилія и регламентація—вотъ характеристическія черты правительственной политики въ описываемое время.

Послѣ страшнаго голода временъ Бориса при Василіи Шуйскомъ въ 1608 году Москву вновь постигъ голодъ.

«Осажденная Лжедимитріемъ (вторымъ самозванцемъ), лишенная подвозовъ,—пишетъ Карамзинъ,—Москва истощила свои запасы; у ней было только одно сообщеніе съ Коломной, но и его она лишилась, потому что рать Лжедимитрія осадила Коломну.

---

[1]) См. нашу статью: «Очеркъ голодовъ въ Западной Европѣ и Остъ-Индіи», въ «Извѣстіяхъ московской городской думы», 1881 года, выпуски XVI и XVIII.

Предвидя недостатокъ, барышники скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и окрестностяхъ и ежедневно возвышали его цѣну, такъ что четверть ржи продавалась по 49 рублей (по нынѣшнему курсу)».

Что же сдѣлалъ Василій Шуйскій для борьбы съ этой дороговизной? Велѣлъ согнать барышниковъ въ церковь для формальнаго увѣщанія, чтобы они не притѣсняли бѣдняковъ; и только тогда, когда увѣщаніе не помогло, убѣдилъ Авраамія отворить житницы Троицкой лавры, въ которыхъ, однако, было такое незначительное количество хлѣба, что продажа его лишь на короткое время понизила цѣну съ 49 до 14 рублей за четверть. Сравнивая мѣры помощи Василія Шуйскаго съ мѣрами Бориса Годунова, нельзя не признать, что послѣдній является геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, ясно понявшимъ потребности своего времени и употребившимъ радикальныя мѣры для исцѣленія зла.

Положеніе Годунова, конечно, было тяжелѣе положенія Шуйскаго. Первый всю жизнь подвергался укорамъ и косымъ взглядамъ, какъ предполагаемый убійца царевича Димитрія, а послѣдній былъ какъ бы спасителемъ Россіи отъ анархіи; первому пришлось бороться и съ естественными, и съ искусственными причинами, вызвавшими голодъ, и голодъ такой, какіе появляются очень рѣдко; послѣднему пришлось бороться съ однѣми искусственными причинами, и если бъ Шуйскій обладалъ умомъ и энергіей Бориса, онъ, конечно, легко бы справился съ бѣдствіемъ, которое, сравнительно съ голодомъ 1601 и 1602 годовъ, было просто игрушкой. Но, къ несчастью для Россіи, роковое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій дало ей въ тяжелую смутную годину въ правители народа бездарную личность Василія Шуйскаго, ничего не способнаго сдѣлать, для спасенія страдающаго народа.

Послѣ Шуйскаго, мы не встрѣчаемъ никакихъ, даже слабыхъ, попытокъ борьбы съ голодами вплоть до Алексѣя Михайловича.

Его отецъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, ничего не нашелъ лучшаго для борьбы съ голодами въ 1630 и 1636 годахъ, какъ установленіе двухъ-недѣльнаго поста, во время котораго «не пить хмѣльнаго питія и матерно бы не браниться, а кто учнетъ матерно впредь браниться, тѣмъ быть въ наказаніи въ торговой казни, а отъ государя патріарха въ духовномъ запрещеніи».

Изъ множества неурожаевъ, постигшихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, мы остановимся на неурожаѣ 1650 года, вызвавшемъ извѣстныя волненія въ Псковѣ. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

По Столбовскому договору съ шведами постановлено было выдавать перебѣжчиковъ изъ обоихъ государствъ. Къ Швеціи, какъ извѣстно, отошли новгородскія земли, населенныя русскими; изъ этихъ земель многіе бѣжали въ русскіе предѣлы. Выдавать ихъ казалось зазорнымъ, тѣмъ болѣе, когда они говорили, что убѣгали

отъ того, что ихъ хотѣли обратить въ лютеранскую вѣру. Московское правительство договорилось съ шведскимъ заплатить за перебѣжчиковъ частью деньгами, а частью хлѣбомъ; но въ это время, какъ мы уже сказали, былъ неурожай. Съ цѣлью выдачи шведамъ хлѣба по договору, правительство поручило скупку хлѣба въ Псковѣ гостю Емельянову. Этотъ гость увидѣлъ возможность воспользоваться даннымъ ему порученіемъ для своей корысти и, подъ предлогомъ соблюденія царской выгоды, не позволялъ покупать хлѣба для вывоза изъ города, иначе какъ только у него. Хлѣбъ, и безъ того вздорожавшій отъ неурожая, еще болѣе поднялся въ цѣнѣ. Псковичи начали роптать; по кабакамъ стали собираться черные люди и толковать, что государствомъ правятъ бояре и главнымъ образомъ Морозовъ, что бояре дружатъ иноземцамъ, выдаютъ казну шведской королевѣ, вывозятъ хлѣбъ за рубежъ, хотятъ оголодить Русскую землю. Пронесся слухъ, что ѣдетъ шведъ и везетъ изъ Москвы деньги.

27-го февраля 1650 года, 30 человѣкъ изъ бѣднаго люда пришли къ архіепископу Макарію толковать, что не надобно пропускать за рубежъ хлѣба. Архіепископъ позвалъ воеводу Собакина. Воевода пригрозилъ крикунамъ, но они не испугались и 28-го числа собрали большую толпу. Она сошлась у всенародной избы и стала кричать, что не надобно вывозить хлѣба. Вдругъ раздался крикъ: «нѣмецъ ѣдетъ, везетъ казну изъ Москвы». Ѣхалъ шведскій агентъ Нумменсъ и везъ до 20,000 рублей изъ тѣхъ денегъ, которыя были назначены для уплаты шведамъ за перебѣжчиковъ.

Нумменсъ ѣхалъ къ Завеличью, гдѣ тогда стоялъ гостинный дворъ для иноземцевъ.

Народъ бросился на него.

Его потащили ко всенародной избѣ, подняли на два, поставленные одинъ на другой, чана, показали народу, отняли у него казну и бумагу и посадили подъ стражу. Потомъ бросились къ Емельянову, который во время убѣжалъ. У жены его взяли указъ, въ коемъ сказано, чтобы никто этого указа не вѣдалъ. Псковичи кричали, что грамота эта писана боярами, безъ вѣдома царя. Мятежники выбрали свое правленіе изъ посадскихъ, не хотѣли знать воеводы и отправили въ Москву челобитчиковъ. Псковичи жаловались, что воевода беретъ въ лавкахъ насильно товары, заставляетъ ремесленниковъ на себя работать, у служилыхъ людей удерживаетъ жалованье; его сыновья оскорбляютъ псковскихъ женщинъ; воеводскіе писцы неправильно составили писцовыя книги, такъ что посадскимъ тяжелѣе жить, чѣмъ крестьянамъ. Кромѣ этой челобитной, псковичи послали еще особую къ боярину Никитѣ Ивановичу Романову, просили его походатайствовать, чтобы впередъ воеводы и дьяки судили вмѣстѣ съ выборными старостами и цѣловальниками и чтобы псковичей не судили въ Москвѣ. Во главѣ народ-

наго правительства въ Москвѣ стоялъ земскій староста Гаврила Демидовъ, человѣкъ энергическій; онъ долго удерживалъ своихъ товарищей и черный народъ отъ возстанія. Въ концѣ марта, царь прислалъ на смѣну Собакина князя Василія Львова, но псковичи не выпустили Собакина до возвращенія изъ Москвы псковскихъ челобитчиковъ, а 28-го марта, узнавъ, что изъ Москвы посылается на нихъ войско, пришли къ новому воеводѣ и стали требовать выдачи имъ пороху и свинцу; когда имъ не дали, они отбили силой, объявивъ, что тѣ, что̀ придутъ изъ Москвы, будутъ для нихъ все равно что нѣмцы, что псковичи станутъ съ ними биться.

30-го марта, явился въ Псковъ отъ царя производить обыскъ князь Ѳедоръ Волконскій. Народъ избилъ его и отнялъ у него грамоту, въ коей ему приказано казнить виновныхъ. Пронесся слухъ, что бояре въ согласіи съ нѣмцами, что царь бѣжалъ отъ нихъ въ Литву и придетъ въ Псковъ съ литовскимъ войскомъ. Волненія стали разростаться, крестьяне и бѣглые холопы начали жечь помѣщичьи усадьбы и убивать помѣщиковъ.

12-го апрѣля, возвратились изъ Москвы псковскіе челобитчики и привезли слѣдующій отвѣтъ царя: «Бояринъ Романовъ служитъ намъ, какъ и другіе бояре, между ними нѣтъ розни; при нашихъ предкахъ не бывало, чтобы мужики сидѣли у расправныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ боярами, окольничими и воеводами, и впередъ этого не будетъ». Волненія не унимались; боясь, чтобы примѣръ Пскова не повліялъ на другіе города, царь обратился къ содѣйствію русскаго народа; 21-го іюня, былъ созванъ земскій соборъ, пославшій своихъ представителей въ Псковъ: Псковъ склонился предъ волею Русской земли, и царь простилъ псковичей. Такъ кончился страшный бунтъ, благодаря разумнымъ мѣрамъ тишайшаго Алексѣя.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемъ и первую попытку изданія устава по народному продовольствію. Этотъ зародышный уставъ помѣщенъ отчасти въ «Уложеніи» Алексѣя Михайловича, отчасти въ «Полномъ собраніи законовъ».

Мѣры для обезпеченія народнаго продовольствія раздѣлялись при Алексѣѣ Михайловичѣ на два разряда: мѣры обезпеченія несвободныхъ и свободныхъ людей. Послѣднія, въ свою очередь, дѣлились на два рода: мѣры обезпеченія бѣдныхъ людей и остальнаго народонаселенія. Относительно обезпеченія холопей, мы встрѣчаемъ въ 41 и 42 статьяхъ, XX главы «Уложенія» слѣдующее постановленіе: «Если бояринъ сгонитъ холопа, не желая его кормить въ дорогое и голодное время, то обязуется дать ему отпускную, или холопій приказъ уполномочивается, по жалобѣ холопа, дать ему свободу противъ воли хозяина». Эти статьи уложенія были впослѣдствіи подтверждены отдѣльнымъ указомъ 13-го августа 1663 года, которымъ повелѣвалось «кликать по рынкамъ и торгамъ, что если

бояре откажутся кормить холопей въ голодное время, то лишаются холопей, которые получаютъ свободу». Что касается до обезпеченія свободныхъ, но бѣдныхъ людей, то указомъ 8-го апрѣля 1662 года было постановлено: «Для кормленія служилыхъ и всякихъ скудныхъ людей въ неурожайное время, чтобы митрополиты и власти, дворяне и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынокъ для продажи свои хлѣбные запасы и чтобы мѣстное начальство собирало на счетъ казны хлѣбъ въ житницы и продавало по указной цѣнѣ истинно-бѣднымъ, а если кому нечѣмъ купить, то чтобъ выдавали хлѣбъ въ долгъ, съ поручительствомъ.»

Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ также серьёзную попытку и для созданія общихъ продовольственныхъ мѣръ. Во время дороговизны 1660 года, онъ повелѣлъ боярамъ изслѣдовать ея причины и для этого поговорить съ торговымъ классомъ.

Первые отвѣчали «гости и торговые люди гостинной и суконной сотни». По ихъ мнѣнію, дороговизна произошла «отъ недорода, отъ многаго винокуренія и отъ многихъ закупщиковъ». Они предлагали слѣдующія мѣры: кружечные дворы для винокуренія уничтожить и вино замѣнить пивомъ; выдавать стрѣльцамъ попрежнему хлѣбное жалованье, чтобы они и жены ихъ не увеличивали собой числа покупателей хлѣба; запретить скупщикамъ являться на рынки раньше 6-ти часовъ дня, т. е. полудня, когда харчи закупаются жителями для домашняго обихода, и предписать крестьянамъ возить хлѣбъ въ городъ безъ посредства барышниковъ. Послѣ гостей отвѣчали «сотскіе, старшины черныхъ сотенъ и слободъ и торговые тяглые люди тѣхъ сотенъ и слободъ, лучшіе, середніе и молодшіе». По ихъ мнѣнію, дороговизна произошла отъ бывшихъ моровыхъ повѣтрій и войнъ, истребившихъ много народа. Кромѣ того, цѣну хлѣба подняли скупщики и кулаки барышничествомъ; что же касается винокуренія, то они не знаютъ, будетъ ли хлѣбъ дешевле, если оставить винокуреніе, потому что «хлѣбъ въ Божьей волѣ». Въ заключеніе, они заявили: «пусть будетъ, какъ великому государю Богъ извѣститъ».

Алексѣй Михайловичъ согласился съ мнѣніемъ «гостей» и издалъ одинъ за другимъ слѣдующіе указы:

15-го октября 1660 года — «чтобы крестьяне вывозили хлѣбъ въ города и чтобы купцы не закупали хлѣба по деревнямъ»; 16-го октября — «чтобы крестьяне весь свой хлѣбъ, за исключеніемъ необходимаго для ихъ потребленія, обмолачивали и вывозили на рынокъ для продажи, подъ опасеніемъ уничтоженія хлѣба въ скирдахъ»; 4-го ноября 1661 года — «чтобы изъ всѣхъ мѣстъ везли хлѣбъ въ Москву и продавали мѣрною цѣной, оставляя непомѣрные прибытки, подъ страхомъ пытки и торговой казни безъ пощады».

Но, кажется, эти указы не имѣли никакого вліянія, потому что преемники Алексѣя Михайловича продолжали въ томъ же духѣ

борьбу съ хлѣбнымъ барышничествомъ. Такъ, указомъ 1681 года запрещалось «московскимъ людямъ всякаго чина и скупщикамъ у пріѣзжихъ людей скупать хлѣбъ и всякіе товары большими статьями для своихъ прибылей, подъ страхомъ жестокаго наказанія и вѣчнаго раззоренія». Въ 1682 году, въ Россіи былъ опять голодъ, что̀ видно изъ царской грамоты, отъ 8-го апрѣля 1682 года, посланной въ Великій Новгородъ князю Рѣпнину. Грамота эта «указываетъ бѣднымъ продавать изъ привознаго псковскаго хлѣба по указной цѣнѣ, а которымъ за большой скудостью купить нечѣмъ, тѣмъ и въ долги хлѣба давать съ поруками, смотря по людямъ». Кромѣ того, приказано было устроить житницы и держать въ нихъ хлѣбъ «съ великимъ береженьемъ». Въ 1693 году, вновь повторился указъ, изданный уже въ 1681 году, противъ хлѣбнаго барышничества.

Петръ Великій продолжалъ идти по пути своихъ предшественниковъ, пути регламентацій и предписаній, лишь попутно борясь съ голодами радикальными мѣрами, которыя, кстати сказать, остались только на бумагѣ, какъ и многія распоряженія Петра. Указомъ 16-го февраля 1723 года постановлено: «Чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ голодъ, у зажиточныхъ людей описывали лишній хлѣбъ и, вычисливъ, сколько имъ нужно для нихъ, остальной раздавать неимущимъ подъ росписки, чтобы они возвратили его въ урожайный годъ». Указомъ 27-го февраля того же года установленъ при конторѣ камеръ-коллегіи особый человѣкъ, «который бы занимался и доносилъ конторѣ о магазейнахъ государственныхъ и другихъ дѣлахъ, какъ довольствовать народъ во время недорода; а помѣщикамъ и приказчикамъ велѣно было наблюдать, чтобы крестьяне сѣяли больше хлѣба».

Указами 23-го іюля и 3-го сентября того же года предписано было: «начальникамъ ближайшихъ губерній еженедѣльно, а дальнихъ—ежемѣсячно, отдавать отчетъ камеръ-коллегіи объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи и Западной Европѣ». Это, впрочемъ, никогда не исполнялось, на что̀ жаловался не одинъ только Петръ I, но и его позднѣйшіе преемники. Въ 1724 году, у Петра явилась мысль учредить хлѣбные запасные магазины для продовольствія народа, и 20-го января онъ далъ собственноручный указъ сенату слѣдующаго содержанія: «Учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ и къ тому свое прибавить и предложить». Но Петръ нимало не заботился объ исполненіи этихъ указовъ, его интересовало продовольствіе войскъ, а не народа, и при немъ были учреждены запасные провіантскіе магазины для войскъ. Изъ этихъ магазиновъ, впрочемъ, въ случаѣ крайней нужды, выдавались пособія и неимущимъ обывателямъ.

Послѣднею мѣрой Петра по народному продовольствію былъ указъ, изданный тоже въ 1724 году, которымъ «велѣно доносить, какъ въ недородные годы народъ довольствовать. Когда хлѣбъ съ поля уберутъ и обмолотятъ, то чтобы каждая провинція присылала вѣдомости, въ которыхъ бы значилось: сколько снято копенъ и какой умолотъ; смотрѣть помѣщикамъ и приказчикамъ, дабы подъ хлѣбный посѣвъ крестьяне землю хорошенько снабдѣвали и болѣе всякаго сѣву умножали».

Вслѣдствіе неисполненія Петровскихъ указовъ и его собственнаго равнодушія къ дѣлу народнаго продовольствія, голода и при преемникахъ Петра дѣлали свое страшное дѣло. Его преемники не внесли въ продовольственное дѣло ничего оригинальнаго и копировали съ нѣкоторыми отступленіями Петровскую бюрократическую систему. Въ особенности это относится ко времени владычества въ Россіи жестокаго нѣмецкаго правительства, втеченіе царствованія Анны Ивановны.

Нѣмецкое правительство сдѣлало слѣдующія отступленія отъ политики Петра I: ввело наказанія за разбои, совершенные подъ давленіемъ голода, и уничтожило войсковые провіантскіе магазины, учрежденные Петромъ.

Коснемся по порядку этихъ двухъ мѣръ.

Только втеченіе пяти лѣтъ, съ 1732 по 1736 годъ, было казнено, сослано на вѣчную каторгу и умерло подъ карауломъ — 524 человѣка, за разбои съ голода. Конечно, не одною только жестокостью можно объяснить примѣненіе такой безцѣльной мѣры, какъ наказаніе за разбои съ голода. Примѣненіе ея отчасти зависѣло и отъ незнанія того соціальнаго факта, «что только народъ обезпеченный относится съ уваженіемъ къ чужой собственности и что преступленія противъ собственности возростаютъ прямо пропорціонально силѣ голода». До какой степени тогда еще не понимали этого факта, видно изъ указа 1736 года, которымъ разрѣшалось помѣщикамъ и начальникамъ крестьянъ, бѣгающихъ съ голода, наказывать и кнутомъ, и кошками, и плетями, и батогами! Слѣдствіемъ этого указа было усиленіе разбоевъ. Въ то же самое время правительство, въ 1735 году, велѣло купить хлѣба на 13,000 рублей для прокормленія голодающихъ крестьянъ; а когда усилилось число нищихъ, то было разрѣшено подавать милостыню, что̀ было прежде запрещено. Какъ ни дико было подобное запрещеніе, при отсутствіи помощи нищимъ со стороны правительства, но отмѣна этого запрещенія, взятая вмѣстѣ съ предписаніемъ кормить голодающихъ, показываетъ на пониманіе тѣсной связи между голодомъ и необходимостью питанія. Значитъ, нѣмецкое правительство не поняло только причинной связи между голодомъ и разбоями, между наказаніемъ легальнымъ или произвольнымъ и усиленіемъ разбоевъ. Преданное внѣшней политикѣ, презирающее

русскій народъ и не вникающее въ его нужды, нѣмецкое правительство могло дойдти до такихъ простыхъ представленій, какъ представленіе о необходимости ѣсть, когда желудокъ этого требуетъ. Для этого нужно было испытать только ощущеніе голода и понять, что голодные не будутъ платить податей. Инстинктъ самосохраненія рѣшилъ, въ данномъ случаѣ, все дѣло: заставилъ кормить голодныхъ и разрѣшилъ подавать милостыню. Къ болѣе сложнымъ представленіямъ нѣмецкое правительство не было способно: жестокость мѣшала понять, что указы и наказанія теряютъ свое вліяніе тамъ, гдѣ страдаетъ человѣческое питаніе. Для образованія этихъ представленій нужно было, чтобы мысль была направлена на общественные вопросы, чтобы человѣкъ, хотя бы и преданный въ личной жизни хищничеству, теоретически понялъ громадную связь между страданіемъ массъ и судьбою государства.

Вотъ этимъ-то и отличается время Анны Ивановны отъ времени Елисаветы Петровны, сходясь съ послѣднимъ въ грабежѣ народнаго достоянія. Кромѣ того, продовольственная политика времени Анны Ивановны была слаба еще потому, что въ ея царствованіе совершенно исчезли наши старинныя земскія привычки, создававшія нѣкоторую тѣсную связь между властью и народомъ. Въ этомъ отношеніи въ параллель нѣмецкому правительству можно поставить царя Алексѣя Михайловича. Хотя и онъ былъ не на высотѣ своего призванія въ то тяжелое время, въ которое ему довелось жить; хотя и онъ не отличался государственнымъ умомъ, но все же мы видимъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, старался вникать въ нужды своего времени и не дѣлалъ поэтому тѣхъ страшныхъ ошибокъ, которыя сдѣлала Анна Ивановна и ея фавориты. Алексѣй Михайловичъ не дозволялъ помѣщикамъ сѣчь холоповъ, бѣжавшихъ съ голода, наоборотъ, послѣдніе дѣлались свободными. Это служило помѣщикамъ наказаніемъ за то, что они ихъ не кормили. Затѣмъ, мы знаемъ, что, во время дороговизны 1660 года, Алексѣй Михайловичъ, вмѣсто простаго декретированія мѣръ, безъ всякаго соображенія съ народными желаніями, обратился съ вопросомъ къ крупнымъ и мелкимъ торговцамъ.

Хотя большихъ результатовъ это и не принесло, но послужило доказательствомъ его пониманія, что нельзя знать причинъ народныхъ страданій, не выслушавъ на этотъ счетъ мнѣній самого народа. Мы уже не говоримъ о его высокой гуманности во время волненій въ Псковѣ, волненій, въ сравненіи съ которыми разбои при Аннѣ Ивановнѣ были каплею въ морѣ.

Причина этихъ различій въ политикѣ Алексѣя Михайловича и нѣмецкаго правительства заключается въ томъ, что первый держался земскихъ началъ, исчезнувшихъ съ лица Русской земли послѣ его смерти, вплоть до ихъ возникновенія въ минувшее царствованіе. И если Петръ Великій, порвавшій земскія начала, мало

обращалъ вниманія и слишкомъ формально относился къ дѣлу народнаго продовольствія, то это объясняется его стремленіемъ вывести Россію изъ первобытной дикости. За громадностью этой задачи, онъ не видѣлъ народныхъ страданій, но для дѣйствій нѣмецкаго правительства нѣтъ подобныхъ оправданій. Вторымъ отступленіемъ отъ мѣръ Петра было уничтоженіе при Аннѣ Ивановнѣ запасныхъ провіантскихъ магазиновъ для продовольствія войскъ, которыми, однако, правительство пользовалось во время голодовъ, какъ средствомъ для помощи всему вообще голодающему населенію. Они существовали въ обширныхъ размѣрахъ лишь до 1732 года, а потомъ ихъ перестали даже наполнять. Отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ для продовольствія войскъ во время дороговизны было крайне убыточно для казны, такъ какъ подрядчики, пользуясь этою дороговизною, часто ставили въ казну провіантъ по дорогой цѣнѣ. Вотъ почему въ царствованіе Елисаветы Петровны вновь былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи, преимущественно для продовольствія войскъ, но которые бы, въ случаѣ нужды, могли служить пособіемъ и для народа.

24-го марта 1743 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ и кавалеръ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой внесъ въ сенатъ предложеніе объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ и о назначеніи, согласно указу Петра I, «экономіи генеральнаго» и къ нему помощниковъ; магазины должны были имѣть троякую цѣль: равновѣсіе цѣнъ, помощь голодающимъ и отпускъ хлѣба за границу, при существованіи хлѣбныхъ избытковъ. Но участь этого предложенія князя Трубецкаго была такова же, какъ и участь другихъ его предложеній: оно осталось только на бумагѣ.

Потребность въ устройствѣ запасныхъ магазиновъ попрежнему сознавалась правительствомъ, и, какъ бы въ отвѣтъ на эту потребность, сенаторъ, генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ представилъ въ 1754 году сенату подробный проектъ объ устройствѣ провіантскаго управленія въ Россіи.

Проектъ Шувалова раздѣляется на 4 части и заключеніе.

Въ первой части доказывается необходимость устроить трояка го рода магазины: полковые, капитальные и портовые. Полковые должны были имѣть чисто хозяйственную цѣль—снабженіе войскъ хлѣбомъ; капитальные—служить противовѣсомъ дороговизнѣ внутри государства, поддерживать нормальную цѣну хлѣба, являться, такъ сказать, бассейномъ, куда стекается со всѣхъ сторонъ хлѣбъ при урожаѣ и откуда онъ расходится во всѣ стороны при неурожаѣ, а портовые—складами хлѣба, отпускаемаго за границу въ урожайные годы. Во второй части Шуваловъ толкуетъ о земскихъ коммиссарахъ, для распоряженія по устройству, со-

держанію и другимъ хозяйственнымъ операціямъ запасныхъ магазиновъ. Въ третьей части излагаются правила, которыми должны руководствоваться коммиссары. Въ четвертой части излагается планъ учрежденія конторы для государственной экономіи, на обязанности которой, между прочимъ, должно было лежать завѣдованіе всею государственною неокладною денежною казною, «изъ которой содержать ежегодно опредѣленное число четвертей хлѣба, въ магазинахъ капитальныхъ и перевозить его въ портовые для отпуска за море». Кромѣ того, на ту же контору предполагалось возложить и обязанность собиранія вѣрныхъ свѣдѣній объ урожаѣ, умолотѣ, о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ и, сообразно съ этими данными, установлять на каждый уѣздъ, гдѣ будутъ магазины, такую цѣну за принимаемый хлѣбъ, «коя бы могла крестьянству съ пользою быть», т. е. не заставляла бы ихъ продавать хлѣбъ за ничтожную цѣну для уплаты податей, или сидѣть въ рабочую пору подъ арестомъ за недоимки; а давала бы имъ возможность вносить подати, кормить семью и оставлять хлѣбъ на сѣмена.

Въ заключеніи проекта Шуваловъ указываетъ на учрежденіе государственныхъ магазиновъ, какъ на средство для продовольствія народа во время неурожая: «Сверхъ всего вышеписаннаго,— говоритъ онъ,—великій способъ отъ учрежденія магазейновъ быть можетъ въ томъ, ежели гдѣ (отъ чего Боже сохрани) сдѣлается недородъ хлѣба, то изъ оныхъ безъ нужды продовольствовать людей возможно съ возвратомъ въ оные впредь отъ тѣхъ людей, кому роздано будетъ, какъ довольный родъ хлѣба будетъ».

Проектъ этотъ былъ заслушанъ въ сенатѣ 1 февраля 1755 года и, по выслушаніи его, постановили слѣдующую резолюцію: вопросъ о полковыхъ магазинахъ передать въ коммиссію при военной коллегіи и представить ея мнѣніе въ сенатъ; вопросъ о капитальныхъ магазинахъ передать на разсмотрѣніе лицамъ, назначеннымъ сенатомъ; вопросъ о земскихъ коммиссарахъ передать на разсмотрѣніе коммиссіи, учрежденной для сочиненія уложенія, а вопросъ о конторѣ государственной экономіи передать на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи.

Вслѣдствіе этихъ резолюцій сената началась канцелярская переписка, и до вступленія на престолъ Екатерины II никакихъ запасныхъ магазиновъ устроено не было. Единственнымъ практическимъ результатомъ проекта Шувалова явился лишь указъ 24 сентября 1760 года: «собирать свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ и о цѣнахъ на продукты, не безпокоя народа».

Такимъ образомъ, всѣ попытки передовыхъ людей Елисаветинскаго времени внести новыя начала въ продовольственное дѣло остались неосуществленными, благодаря бюрократизму того времени.

Елисавета продумала все свое царствованіе надъ продовольственнымъ вопросомъ и, не сдѣлавъ въ немъ никакихъ видоизмѣ-

неній, копировала лишь давно отжившіе пріемы своего великаго отца, отступивъ отъ нихъ немного только въ концѣ своего царствованія, а именно въ 1761 году. Въ этомъ году былъ изданъ указъ, уничтожавшій прежнія описи хлѣба у богатыхъ для раздачи голодающимъ, но владѣльцамъ имѣній предписывалось имѣть запасный хлѣбъ всегда на цѣлый годъ впередъ.

Задача внесенія болѣе раціональныхъ принциповъ въ законодательство по народному продовольствію выпала на долю Екатерины II.

23 августа 1762 года, она издала собственноручный указъ слѣдующаго содержанія: «Хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». 25 октября того же года, она подтвердила свое желаніе, во время личнаго присутствія въ сенатѣ. Вслѣдствіе этого сенатъ приказалъ сдѣлать выписки изъ прежнихъ указовъ, распоряженій и предположеній по этому предмету. 14 ноября 1762 года, въ присутствіи Екатерины II, была заслушана записка о государственныхъ магазинахъ, и, по выслушаніи ея, императрица велѣла выбрать двухъ надежныхъ лицъ, которыя должны были представить планъ, гдѣ устроить эти магазины, какъ велики они будутъ и во сколько обойдутся.

Этими лицами были генералъ-поручики Веймарнъ и Бекетовъ, составлявшіе изъ себя коммиссію 1763 года объ учрежденіи государственныхъ магазиновъ въ Россіи.

9 января 1763 года, Веймарнъ и Бекетовъ обратились въ сенатъ съ рапортомъ, въ которомъ, признавая необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія высочайшаго порученія основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ всего государства и откровенно сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи этого предмета, просили сенатъ доставить имъ разныя свѣдѣнія изъ его архивовъ. Предвидя, что сенатъ не будетъ въ состояніи доставить имъ этихъ свѣдѣній, они просили предоставить имъ право требовать отъ присутственныхъ мѣстъ всякія извѣстія и подробныя вѣдомости. Бекетовъ и Веймарнъ знали, что не получатъ этихъ свѣдѣній канцелярскимъ путемъ, и потому рѣшили лично съ помощниками объѣхать всю Россію, для полученія этихъ свѣдѣній. Вдругъ, какъ снѣгъ на голову, 27 марта 1763 года, Екатерина издаетъ указъ, чтобы коммиссія представила свое мнѣніе по продовольственному вопросу. Къ 7-му мая, это мнѣніе уже было готово и представлено въ сенатъ. Оно представляетъ собою обширный докладъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, распадающійся на двѣ части. Первая часть посвящена разбору проектовъ Трубецкаго и Шувалова, а вторая заключаетъ въ себѣ собственное мнѣніе докладчиковъ о наилучшихъ средствахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Докладчики подвергаютъ критикѣ проектированныя Трубецкимъ и Шуваловымъ учрежденія съ точки зрѣнія стоимости, цѣлесо-

образности, полезности, возможности, выгодности и приходятъ къ заключенію, что они стоили бы дорого казнѣ, а между тѣмъ были бы напрасными, безполезными, невозможными и вредными какъ для казны, такъ и для всего общества. Они подробно вычисляютъ расходы на утройство, содержаніе и разныя операціи по хлѣбнымъ магазинамъ. Опираясь на данныя 17 примѣрныхъ вѣдомостей, приложенныхъ къ докладу, они говорятъ, что по умѣреннымъ смѣтамъ предпріятіе это должно стоить 126.056,720 рублей. Собственное мнѣніе коммиссіи распадается на два отдѣла: первый трактуетъ о мѣрахъ противъ голода, второй—противъ дороговизны. Для предупрежденія голода во время неурожая, коммиссія совѣтуетъ завести не только во всѣхъ городахъ, но и въ деревняхъ готовые запасы хлѣба: въ деревняхъ на счетъ помѣщиковъ, а въ городахъ на счетъ магистратовъ. Каждый магазинъ долженъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ продовольствія и обсѣмененія полей окружающаго населенія. За отказъ извѣстнаго помѣщика кормить во время голода своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, послѣдніе передаются въ собственность того, кто ихъ согласится кормить. Помѣщику дозволяется собирать требуемый хлѣбный запасъ постепенно, но не далѣе какъ втеченіе трехъ лѣтъ; причемъ помѣщикъ можетъ лишь въ такомъ случаѣ тратить собранный хлѣбъ на винокуреніе, если вмѣсто истраченнаго засыпетъ новый.

Отсюда ясно, что Бекетовъ и Веймарнъ, вмѣсто критики проектовъ Трубецкаго и Шувалова, только нѣсколько ихъ видоизмѣняютъ: они, всетаки, признаютъ необходимымъ собирать хлѣбные запасы на случай голода.

Правда, что Шуваловъ, предлагая устройство хлѣбныхъ магазиновъ, имѣлъ въ виду еще другую цѣль—вліять на цѣну хлѣбу, а Веймарнъ и Бекетовъ этой цѣли не преслѣдовали; но это вліяніе обнаружится само собой, разъ только магазины будутъ устроены. Если въ годы дороговизны у крестьянъ будетъ запасный хлѣбъ, они не станутъ платить хлѣбнымъ торговцамъ безобразныхъ цѣнъ. Разница между проектомъ Шувалова и предложеніемъ Бекетова и Веймарна заключается лишь въ томъ, что Шуваловъ хотѣлъ создать центральные магазины, а Бекетовъ и Веймарнъ—мѣстные, но децентрализація послѣднихъ является или бюрократическою, или помѣщичьею, но отнюдь не земскою, каковая только и желательна взамѣнъ бюрократической централизаціи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Бекетовъ и Веймарнъ не опровергли проекта Шувалова и что послѣдній является осуществленіемъ великаго изрѣченія Екатерины II: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». Противъ дороговизны коммиссія рекомендовала свободную хлѣбную торговлю, конкурренцію и запрещеніе монополій. Въ числѣ спеціальныхъ мѣръ она предложила слѣдующія: улучшеніе сообще-

ній между портами и внутренними рынками; устройство на большихъ судоходныхъ рѣкахъ торговыхъ пристаней для склада товаровъ и продажи ихъ по вольной цѣнѣ; развитіе торговли на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, такъ какъ туда провозъ дешевле и хлѣбныя цѣны тамъ выше, чѣмъ въ Балтійскихъ портахъ; разрѣшеніе вывоза хлѣба съ наложеніемъ во время неурожая вывозной пошлины; запрещеніе купцамъ заниматься земледѣліемъ, такъ какъ отъ этого всѣ дѣла идутъ плохо. Коммиссія полагала, что пристани поднимутъ цѣну хлѣба, продаваемаго земледѣльцами. При невозможности же сбывать хлѣбъ къ портамъ, коммиссія предлагала строить фабрики, заводить конскіе заводы, кошары для овецъ и т. д., чтобы избавить крестьянъ отъ далекихъ путешествій въ городъ, для продажи хлѣба, сѣна и другихъ продуктовъ. Заведеніе казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ коммиссія предоставляла только губернаторамъ, и лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдко бываютъ хорошіе урожаи. Зерновый хлѣбъ для этихъ магазиновъ губернаторы могли покупать лишь на суммы, отпускаемыя имъ на расходы. Черезъ 10 лѣтъ эти суммы должны быть возвращены въ казну, съ каковою цѣлью губернаторы должны ежегодно продавать старый хлѣбъ и наполнять магазины новымъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что коммиссія противорѣчитъ себѣ: рекомендуя конкурренцію какъ панацею, она въ то же время совѣтуетъ учреждать казенные хлѣбные магазины.

Образцовые борцы съ остъ-индскими голодами признавали свободную хлѣбную торговлю одною изъ мѣръ для борьбы съ голодами, но, зная, что она постоянно приводитъ къ хлѣбной спекуляціи, допускали ее лишь въ томъ случаѣ, когда она не противорѣчила общественной пользѣ. Ни они, ни великій борецъ съ голодами Тюрго не думали считать свободной хлѣбной торговли факторомъ равновѣсія цѣнъ: они регулировали ее, не предоставляя безграничной свободы этой стихійной силѣ, основанной на безпринципности и наживѣ [1]). Все сказанное о трудахъ коммиссіи приводитъ къ заключенію, что главная ея забота заключалась въ экономіи государственныхъ расходовъ на дѣло народнаго продовольствія. Докладъ Бекетова и Веймарна былъ послѣднимъ актомъ дѣятельности коммиссіи 1763 года объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Россіи. 8-го мая 1763 года, Екатерина II велѣла сенату распустить коммиссію, а ея докладъ съ заключеніемъ сената представить ей.

19-го августа, сенатъ заслушалъ мнѣніе коммиссіи и опредѣлилъ поднести его съ своимъ мнѣніемъ императрицѣ, но 10-го ноября, при слушаніи этого опредѣленія, постановлено: «Истребовать мнѣніе главной провіантской канцеляріи и для того подпискою вышепи-

---

[1]) См. нашу статью въ «Извѣстіяхъ московской городской думы».

саннаго мнѣнія о государственныхъ магазейнахъ опредѣленія обождать».

Дѣло объ устройствѣ магазиновъ не разсматривалось въ сенатѣ до 1768 года. Въ этомъ же году копія со всего плана, начертаннаго коммиссіей, отослана въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, и больше о проектѣ Бекетова и Веймарна не было ни слуху, ни духу. Екатерина отказалась отъ заведенія во всѣхъ городахъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, «дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была»; обычай описыванія хлѣба у имущихъ, для раздачи неимущимъ, тоже вышелъ изъ употребленія.

Екатерина остановилась на мѣстныхъ магазинахъ, заведенныхъ самими обществами, и стала побуждать помѣщиковъ, сельскія городскія общества и монастыри къ устройству магазиновъ на ихъ счетъ. Но ихъ безпечность и бездѣятельность принуждали правительство заводить казенные магазины во многихъ городахъ и селахъ.

Все это, однако, не спасало Россіи, и голода дѣлали свое дѣло. Въ 1775 году, былъ изданъ указъ о введеніи для помощи голодающимъ казенныхъ и общественныхъ работъ. (См. П. С. З., №№ 14,418 и 14,392).

Пятью годами ранѣе Тюрго спасъ этимъ Францію, а остъ-индское правительство останавливало этимъ средствомъ смертность остъ-индскаго населенія, начиная съ 1837 и до 1878 года [1]). Но, къ несчастью, Екатерина не хотѣла взять себѣ достойныхъ помощниковъ для приведенія въ исполненіе этой великой мѣры, долженствующей быть положенной въ основу всякой продовольственной системы. Со времени Бориса, временно учредившаго общественныя работы, и вплоть до Екатерины мы ничего не слышимъ о нихъ; при Екатеринѣ же онѣ не сходятъ со страницъ ея указовъ.

Въ 1785 году, Екатерина окончательно вступила на новый путь въ дѣлѣ народнаго продовольствія, усвоивъ принципы полнѣйшей свободы торговли. Этотъ годъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи мѣръ по народному продовольствію. Въ указѣ своемъ московскому главнокомандующему, графу Брюсу, отъ 3-го февраля 1785 года, она прямо говоритъ, что «свободная хлѣбная торговля внутри государства есть лучшее средство для обезпеченія народнаго продовольствія». Съ этого времени начинается преслѣдованіе монополистовъ, скупщиковъ, перекупщиковъ и попеченіе о развитіи судоходства. Отмѣняются всѣ стѣсненія внутренней торговли, какъ-то: таксы и запрещенія вывоза хлѣба изъ одной мѣстности въ другую. Но всѣ Екатерининскія мѣры не спасли народа отъ голода, постигшаго Россію, вслѣдствіе дурнаго урожая 1785 и 1786 годовъ. Неурожай былъ такъ великъ, что «люди ѣли листья, сѣно, мохъ и умирали съ голода; сѣять было нечего, потому что вся рожь вы-

[1]) См. нашу статью въ «Извѣстіяхъ московской городской думы».

зябла въ зиму 1786—1787 года. Такимъ образомъ и въ будущемъ народу угрожалъ голодъ»[1]). Черезъ годъ, въ 1788 году, мы видимъ то же самое: «Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ,—писалъ князь Щербатовъ,—ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже не достаетъ, ибо, къ несчастью, и лебеда не родилась и оной четверть по четыре рубля покупаютъ. Ко мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, мякины и лебеды; онъ меня въ ужасъ привелъ, ибо едва не четверть тутъ четверки овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже. А, однако, никакого распоряженія дольше, т. е. до исходу февраля мѣсяца, не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народу, для прокормленія того народу, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться съ врагомъ, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который (народъ) даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣсти себѣ денегъ, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отданленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе младенцы среди холоду и вьюги безвинныя руки протягаютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостины просятъ, которой еще и не получаютъ довольно, ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То есть ли истинѣ многихъ глаголовъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?»[2]).

Статья Щербатова имѣетъ для насъ двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ доказательство, что всѣ Екатерининскія мѣры по народному продовольствію не привели ни къ чему, а, во-вторыхъ, какъ характеристика взглядовъ лучшихъ людей Екатерининскаго

---

[1]) Князь Щербатовъ. О повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи. Чт. въ Общ. исторіи и древностей, 1860 г., I, стр. 91.

[2]) Князь Щербатовъ. Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 года при началѣ турецкой войны. Чт. въ Общ. исторіи и древн., 1860 г., I, стр. 113 и 114.

времени. Не одинъ Щербатовъ принадлежалъ къ нимъ: можно назвать графа Воронцова, князей Голицыныхъ, Нарышкину и многихъ другихъ, устроившихъ въ своихъ имѣніяхъ хлѣбные запасные магазины. Такимъ образомъ мы видимъ, что, не смотря на крайнее развитіе въ Екатерининское время рабовладѣльческихъ началъ, вызвавшихъ кровавую Пугачевщину, въ обществѣ были, всетаки, элементы, понимавшіе необходимость обезпеченія народа. На эти элементы и должна была опереться Екатерина, но громъ военной славы и разработка теоретическихъ принциповъ энциклопедистовъ, рядомъ съ усиленіемъ крѣпостничества и давленіемъ всякаго свободнаго проявленія человѣческой мысли и дѣятельности, мѣшали ей осуществить на практикѣ тѣ раціональные принципы народнаго продовольствія, которые проявлялись въ жизни и которые она сама провозгласила въ 1762 и 1775 годахъ. Яркій образчикъ ея юридическаго доктринерства—наказъ къ составленію уложенія, и не менѣе яркій образчикъ ея неискренняго либерализма—ничѣмъ не кончившееся созваніе депутатовъ для составленія уложенія, — все это затемнило ея ясный и великій умъ. Она ничѣмъ не спасла народа отъ голодовъ и оставила Павлу I въ наслѣдство безплодный хламъ ветхихъ принциповъ на почвѣ крѣпостнической практики. Не обладая государственнымъ умомъ, Павелъ I не справился съ этимъ хламомъ и долженъ былъ остаться при крѣпостнической практикѣ. Попытка, сдѣланная въ его царствованіе, придать хлѣбнымъ запаснымъ магазинамъ болѣе правильную организацію не привела ни къ чему, какъ въ этомъ признавалось само правительство въ нашемъ столѣтіи. Попытка эта состояла въ томъ, что въ 1799 году, по проекту генералъ-провіантмейстера Оболянинова, управленіе сельскими магазинами было поручено губернскому начальству. Предписано было наполнять магазины годовою пропорціею хлѣба, полагая на каждую ревизскую душу по 3 четверти ржи и по 3 четверика яроваго хлѣба. Хлѣбъ долженъ былъ собираться ежегодно, послѣ окончанія жатвы, по $^1/_2$ четверти ржи и по $^1/_2$ гарнца яроваго съ ревизской души. Хотя этотъ проектъ и былъ осуществленъ, но не далъ хорошихъ практическихъ результатовъ, «вслѣдствіе отсутствія правильнаго хозяйственнаго надзора за магазинами», какъ писали губернаторы въ 1817 году. Вотъ съ какимъ продовольственнымъ багажемъ вступили мы въ XIX-е столѣтіе.

Обозрѣвая II и III главы нашего очерка, мы видимъ, что правительство, втеченіе XVII и XVIII вѣковъ, вертѣлось въ дѣлѣ народнаго продовольствія, какъ бѣлка въ колесѣ: голодовки были второю натурой русскаго народа, сроднились съ Русской землей и такъ ее полюбили, что почти года безъ нихъ не проходило. Эта мрачная исторія нашего народа только разъ освѣтилась геніемъ Бориса, да слабыми попытками Алексѣя Михайловича.

И эти печальныя явленія происходили въ государствѣ, гдѣ весь бюджетъ и всѣ расходы привиллегированныхъ классовъ оплачивались принудительнымъ трудомъ крестьянъ. Втеченіе XVII и XVIII вѣковъ лучшія живыя народныя силы приносились въ жертву интересамъ фиска и правящихъ классовъ; народъ погибалъ на войнѣ и дома отъ голода—онъ не имѣлъ экономическаго будущаго. Ни разу государство не подумало о вознагражденіи его за вѣрную службу созданіемъ постоянной и широкой продовольственной организаціи, подобной той, которую хотѣлъ осуществить Шуваловъ. Наоборотъ, по словамъ Щербатова, «самые способы отнимаютъ хотя мякиною жизнь свою продлить». На этомъ замерло и погасло XVIII столѣтіе, предоставивъ XIX столѣтію выработать самостоятельно новую продовольственную систему.

Посмотримъ, на сколько наше столѣтіе приблизилось къ разрѣшенію этой важной задачи.

IV.

Голода съ начала XIX столѣтія до 1885 года.

Мы не будемъ подробно останавливаться на разныхъ голодахъ, бывшихъ въ Россіи втеченіе 85 лѣтъ. Особенно любопытно, что втеченіе нынѣшняго столѣтія продовольственныя системы постоянно мѣнялись. Практика быстро разбивала каждую новую систему, создавалась другая: ни одна изъ нихъ не спасала Россіи отъ голодовъ. Вотъ почему мы обратимъ главное вниманіе на исторію продовольственныхъ системъ, очертивъ лишь вкратцѣ наиболѣе крупные голода.

Неудача мѣръ Обольянинова, описанныхъ нами въ III главѣ, побудила правительство ввести съ 1-го іюля 1822 года въ каждой губерніи коммиссіи народнаго продовольствія. Цѣль и составъ ихъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. «Для наблюденія и опредѣленія, въ какихъ случаяхъ и какія мѣры, судя по состоянію продовольствія, въ неурожайные годы должны быть пріемлемы, учреждается въ каждой губерніи коммиссія народнаго продовольствія». Для обезпеченія продовольствія, въ каждой губерніи установлялись или хлѣбные запасы, или денежные капиталы. Этотъ выборъ рѣшался особымъ собраніемъ, состоящимъ изъ вице-губернатора, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, губернскаго прокурора и управляющаго удѣльною конторой подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора. Изъ этихъ же лицъ состояли и коммиссіи по народному продовольствію, съ участіемъ только еще непремѣннаго члена отъ дворянства. Положеніе о коммиссіяхъ народнаго продвольствія раздѣлялось на 4 отдѣла: о со-

ставѣ и образѣ дѣйствія коммиссій; о составѣ и образѣ употребленія хлѣбныхъ запасовъ; о составѣ и образѣ употребленія запасныхъ капиталовъ и о порядкѣ назначенія и образѣ употребленія ссуды отъ правительства въ чрезвычайныхъ случаяхъ. 2 четверти съ ревизской души были признаны нормою хлѣбныхъ запасовъ. Это количество предписано было собрать при помощи ежегодныхъ взносовъ по 4 гарнца зерномъ или мукой. Устройство и содержаніе магазиновъ предоставлено было помѣщикамъ въ ихъ имѣніяхъ, а въ селеніяхъ свободныхъ хлѣпопашцевъ, казенныхъ и удѣльныхъ — волостнымъ правленіямъ. Количество денежныхъ капиталовъ должно было равняться стоимости одной четверти хлѣба на ревизскую душу (по пятилѣтней сложности). Этотъ капиталъ предписано образовать ежегоднымъ сборомъ по 25 коп. съ ревизской души. Коммиссія могла самостоятельно пользоваться продовольственнымъ капиталомъ лишь заимообразно и въ предѣлахъ 25,000 рублей, объ употребленіи большей суммы она обязывалась, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, испрашивать высочайшее соизволеніе.

При недостаточтности губернскаго запаса, коммиссія могла испрашивать ссуду у правительства.

Вслѣдъ за положеніемъ о коммиссіяхъ народнаго продовольствія, были изданы положенія о дѣлопроизводствѣ въ нихъ, объ обязанностяхъ по обезпеченію продовольствія, о собираніи и веденіи статистики урожаевъ, объ устройствѣ и содержаніи запасныхъ магазиновъ и о сборѣ денежныхъ капиталовъ. Эти положенія предписывали заведеніе магазиновъ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ было не менѣе 50 дворовъ. Разрѣшалось же ихъ заводить во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ было не менѣе 10 дворовъ, или приписанныхъ 50 ревизскихъ душъ. Въ такихъ небольшихъ селеніяхъ можно было заводить или по одному магазину на каждое село, или одинъ на всю волость. Въ такомъ видѣ дѣйствовали коммиссіи народнаго продовольствія довольно успѣшно до 1834 года.

Бѣдственный исходъ жатвы 1833 года измѣнилъ воззрѣнія правительства на продовольственную систему 1822 года и создалъ новую, представлявшую собой соединеніе двухъ системъ—системы, существовавшей до введенія коммиссій народнаго продовольствія, съ системою, базисомъ которой служили послѣднія.

Новое положеніе 1834 года предписало содержаніе во всѣхъ губерніяхъ хлѣбныхъ магазиновъ совмѣстно съ собираніемъ денежныхъ капиталовъ. Нормою хлѣбныхъ запасовъ была признана четверть ржи или пшеницы и $^1/_2$ четверти овса или ячменя съ ревизской души. Это количество предписано было собрать ежегоднымъ взносомъ по $^1/_2$ мѣры ржи или пшеницы и по $^1/_2$ гарнца овса или ячменя; денежный запасъ долженъ былъ равняться 1 р. 60 к. съ ревизской души и собираться ежегодно по 10 к. Ком-

миссіи народнаго продовольствія остались въ прежнемъ видѣ и составѣ; имъ былъ порученъ главный надзоръ по губерніи.

Новый неурожай 1840 года привелъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Строганова, къ убѣжденію въ неудовлетворительности существовавшей системы народнаго продовольствія. Это убѣжденіе онъ высказалъ слѣдующимъ образомъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1840 годъ: «Существующая система обезпеченія народнаго продовольствія, какъ доказали опыты, по многимъ причинамъ, весьма неудовлетворительна; зная объ этомъ въ подробности еще во время управленія своего въ званіи генералъ-губернатора, Черниговскою, Полтавскою и Харьковскою губерніями, я, съ самаго вступленія въ министерство, занимался этимъ предметомъ и распорядился составленіемъ болѣе надежныхъ правилъ, которыми предполагалось увеличить сборъ хлѣба, усилить надзоръ за магазинами и облегчить трудную форму отчетности».

Мы этихъ правилъ не станемъ касаться, такъ какъ они не были разработаны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство, втеченіе нынѣшняго столѣтія, перемѣнило двѣ системы, то раздѣляя, то соединяя вмѣстѣ хлѣбные запасы и денежные продовольственные капиталы. Не смотря на это, голода дѣлали свое дѣло и до такой степени испугали въ 1840 году графа Строганова, что онъ измышлялъ новую систему народнаго продовольствія, да такъ и остался, всетаки, при старой системѣ 1834 года. Она просуществовала у насъ до введенія земскихъ учрежденій и смѣнилась этими послѣдними: завѣдованіе хлѣбными запасами и денежными капиталами было передано въ руки земскихъ учрежденій изъ рукъ уничтоженныхъ коммиссій народнаго продовольствія.

Мы не знаемъ, какъ велики были хлѣбные запасы и денежные капиталы, въ 1866 году, при передачѣ ихъ земскимъ учрежденіямъ, а потому можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно. Нашей исходной точкой послужатъ цифры, помѣщенныя въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ. Цифры эти слѣдующія:

Хлѣбъ: Въ магазинахъ и въ ссудахъ. Озимый.	Яровой.	Капиталъ.
6.089,229 четв.	12.084,886 четв.	12.359,172 руб.

Земству былъ переданъ не весь капиталъ, а лишь немного болѣе половины. Эта часть капитала получила названіе губернскаго продовольственнаго, остатокъ же, не переданный земству, остался въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ подъ именемъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала. Послѣдній долженъ былъ служить для выдачи ссудъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей въ крайнихъ случаяхъ. Со

времени передачи въ вѣдѣніе земства продовольственныхъ капиталовъ, прекращенъ былъ сборъ на составленіе продовольственнаго капитала, но земству было предоставлено право увеличивать капиталъ разными сборами. На сколько выигралъ народъ отъ такой передачи одной и той же формы помощи изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ рукъ администраціи въ руки земскихъ учрежденій, показалъ прежде всего ужасный самарскій голодъ 1873 года. Положимъ, что онъ произошелъ отъ чисто искусственныхъ причинъ; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что если общество создало правильную продовольственную систему, то эта послѣдняя спасетъ его отъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Бориса Годунова. Въ данномъ случаѣ было очень легко помочь Самарской губерніи и помочь такъ, какъ помогъ Борисъ Годуновъ— сближеніемъ людей съ хлѣбомъ, а мы этого не сдѣлали.

Голодала только лѣвая сторона Поволжья, Самарско-Оренбургская; на правой же сторонѣ, Саратовской, въ 1873 году, былъ прекрасный урожай, и огромные запасы хлѣба, подвезенные производителями этой половины Поволжья къ линіи Тамбово-Саратовской дороги, особенно же на Бековскую, Покровскую ярмарки и къ другимъ хлѣбнымъ рынкамъ, остались не проданными, не смотря на всѣ усилія производителей сбыть товаръ по значительно пониженнымъ цѣнамъ. Вотъ первый фактъ. Второй заключается въ томъ, что земство, не смотря на свое въ то время семилѣтнее существованіе, просмотрѣло фактъ постепеннаго обѣдненія Самарскаго края и подумало, что голодъ былъ какимъ-то внезапнымъ явленіемъ. Въ этихъ двухъ фактахъ, въ отсутствіи энергіи для перевозки хлѣба съ правой стороны Поволжья на лѣвую и въ отсутствіи интереса къ изученію экономической жизни народа, заключалась причина невозможности бороться съ самарскимъ бѣдствіемъ. Какіе же факторы привели къ постепенному обѣдненію Самарскаго края, этой житницы Россіи, заваливавшей когда-то 80 милліонами пудовъ своего хлѣба Москву, Петербургъ и Лондонъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ, просмотримъ слѣдующія цифры, относящіяся къ 1873 году. Самарское населеніе получило слѣдующіе надѣлы:

		На ревизскую душу.
Государственные крестьяне	по	9 десят.
Удѣльные	»	7 »
Помѣщичьи	отъ	1—4 »

Первые платили по 52 коп., вторые—по 57 коп., послѣдніе—по 1 р. 80 коп. и до 3 р. 42 коп. съ десятины. Эти цифры представляютъ только подати и выкупные платежи; если же къ нимъ присоединить еще земскіе, волостные, общественные и другіе сборы, то средніе платежи самарскаго населенія представятъ слѣдующія цифры:

	Съ десятины.	Съ души.
Государственные крестьяне	— р. 96,5 к.	8 р. 98 к.
Удѣльные	1 » 16 »	8 » 2 »
Помѣщичьи и оброчные отъ 2 р. 80 к. до	6 » 40 »	13 » 18 »
» собственники	2 » 23 »	10 » 32 »
» дарники	2 » 32 »	3 » 36 »
» издѣльные	— » 83 »	3 » 85 »
Колонисты	— » 74 »	9 » 84 »
Менониты	— » 23 »	9 » 35 »
Частные владѣльцы	— » 10 »	— » — »

По вычисленіямъ земства, валовой доходъ десятины равнялся 4 р. 94 коп., а по разцѣнкамъ земельнаго банка отъ 57 коп. до 2 р. А такъ какъ земля составляетъ единственный источникъ дохода тамошняго крестьянина, то ежегодныя богатства самарскаго крестьянскаго населенія въ урожайный годъ выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Доходъ семьи.
У государственныхъ крестьянъ . . .	44 р. 46 к.
» удѣльныхъ	34 » 58 »
» помѣщичьихъ отъ 4 руб. 94 коп. до	19 » 76 »

Расходы крестьянской семьи по вычисленіямъ земства:

Хлѣбъ и одежда	100 р.
Платежи	32 »
Итого	132 р.

Расходъ 132 р., доходъ 4 р. 94 к.!

Но предположимъ даже, что всѣ семьи получаютъ дохода по 44 р. 46 к., такъ и тогда давленіе дефицита на крестьянскую экономію выразится въ цифрѣ 87 р. 54 к., а гдѣ ихъ взять? Надо арендовать землю. Аренда въ Самарскомъ краѣ построена на ужасныхъ началахъ. Всѣ заволжскія земли, по спосому владѣнія ими, раздѣляются на шесть категорій: земли государственныя, удѣльныя, высочайше пожалованныя частнымъ лицамъ, помѣщичьи, крестьянскія и колонистскія. Пользованіе землями первыхъ трехъ категорій носитъ хищническій характеръ; всѣ эти земли захвачены крупными арендаторами въ долгосрочную аренду.

Арендаторское хищничество развито преимущественно въ южной половинѣ Самарскаго Поволжья, которая родитъ «бѣлотурку». Эти хищники снимаютъ землю участками отъ 1,000 до 100,000 десятинъ, отбивая на торгахъ землю у крестьянъ, платя иногда въ годъ за десятину по 10 к. Снимается земля съ условіемъ сѣять въ 5—6—7 лѣтъ два хлѣба, иногда въ 15 лѣтъ четыре хлѣба или въ 8 лѣтъ два хлѣба. Но сами арендаторы засѣваютъ очень немного земли изъ огромныхъ площадей, перебиваемыхъ ими на торгахъ у крестьянъ: они занимаются посѣвомъ преимущественно тамъ, гдѣ

развита хлѣбная торговля и вывозъ пшеницы за границу. Высосавъ изъ земли лучшіе соки, они ее сдаютъ крестьянамъ, но не по 10 к., какъ снимали сами, а по 5, 6, 7, 8 и даже 9 руб. за десятину.

Получаемый хищниками барышъ, по вычисленію департамента земледѣлія, равняется 75% арендной платы. Вотъ условія, постигшія Самарскій край въ періодѣ земскаго самоуправленія, основаннаго на имущественномъ цензѣ. Условія эти созданы нашею непредусмотрительностью и существующею продовольственною системой.

Обратимся къ изслѣдованію нашихъ продовольственныхъ источниковъ, посмотримъ, въ какомъ положеніи находятся наши хлѣбные магазины и продовольственные капиталы. Эти свѣдѣнія, для 1874 года, можно почерпнуть изъ докладовъ членовъ губернской земской рязанской управы (по ревизіи волостей уѣздовъ — Зарайскаго, Данковскаго, Пронскаго, Егорьевскаго и Скопинскаго). Что они говорятъ? Продовольственнаго капитала не существуетъ: «Все дѣло ограничивается одной перепиской; управа напоминаетъ волостному начальству, послѣднее сельскому, а сельскому начальству въ пору заботиться только о сборѣ внесенныхъ въ раскладку платежей. И это-то трудно запомнить и счесть безграмотному сельскому старостѣ. Куда ужъ тутъ высчитывать, почемъ съ души придется продовольственнаго капитала, благо грамотное начальство не считаетъ, а безграмотному и Богъ велѣлъ». Положеніе хлѣбныхъ магазиновъ самое ужасное: «Магазинъ,—говорятъ доклады,—выстроенъ одинъ общій на волость—огромное каменное зданіе, въ 105 аршинъ длины, покоемъ, въ два крыла. Подъѣхали къ одному крылу, бились полчаса и не могли отпереть совершенно заржавѣвшій замокъ; пригласили кузнеца и сломали замокъ. Огромная стая голубей поднялась съ нашимъ входомъ. Поднялись по лѣстницѣ на верхнюю площадку; по обѣимъ сторонамъ ея—глубокіе закрома, устроенные на самыхъ раціональныхъ началахъ, такъ, чтобы воздухъ свободно проходилъ между ними и стѣнами, но въ этихъ закромахъ одинъ голубиный пометъ. Рожь оказалась, по словамъ старосты, раскраденною, да мало того что рожь,—начали красть доски, изъ которыхъ построены закрома. Да и немудрено! магазинъ остается неприступнымъ для старосты, а воры давно уже выбили себѣ слуховое окно и изъ него устроили прекрасную лѣстницу». О всѣхъ волостяхъ Данковскаго уѣзда отзываются слѣдующимъ образомъ: «Во всѣхъ волостяхъ дѣло идетъ такъ, что не знаешь, радоваться или печалиться тому, что хлѣбъ разворовывается: по крайней мѣрѣ, хоть вору въ пользу пойдетъ, а то все равно съѣдятъ мыши да голуби, или еще хуже—сопрѣетъ». Удивительно ли послѣ этого, что мы позднѣе встрѣчаемъ тоже безсиліе въ борьбѣ съ голодами,—безсиліе, зависящее отъ нашего неумѣнья и неудовлетворительной продовольственной системы. И 1883 годъ не составлялъ въ этомъ

отношеніи исключенія. Неурожай обрушился со страшною силой на многія губерніи, и мы, какъ и въ прошломъ столѣтіи, стояли безсильными зрителями съ нашими классическими палліативами — съ ссудой на продовольствіе и обсѣмененіе полей и съ сельскими магазинами, состояніе которыхъ въ одной изъ богатѣйшихъ губерній только-что нами описано.

Въ 1883 году, пострадали отъ неурожая и голода преимущественно слѣдующія губерніи: Курская, Казанская, Харьковская и Вятская.

Курская губернская земская управа, въ своемъ докладѣ по народному продовольствію отъ 9 декабря 1882 года, говоритъ слѣдующее: «Наконецъ, наступилъ критическій моментъ и для плодородной Курской губерніи пережить тяжелый неурожайный годъ, а для губернскаго земства разрѣшить нелегкій и сложный вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія до будущаго урожая въ 11-ти уѣздахъ». Сейчасъ, конечно, схватились за ссуду на продовольствіе, и уѣздныя управы обратились съ ходатайствомъ въ губернскую управу. Небезъинтересно представить здѣсь цифры ссудъ, просимыхъ уѣздными управами предъ уѣздными собраніями, а послѣдними предъ губернской управой и собраніемъ. Сопоставивъ эти цифры, мы замѣтимъ, какъ сильно падаетъ % нужды въ хлѣбѣ, въ строгой и прямой пропорціональности, съ удаленіемъ отъ мѣста нужды или голода разныхъ земскихъ инстанцій. Голодный мужикъ заявляетъ сельскому сходу о настоятельной потребности въ 5 четв. хлѣба, сходъ назначаетъ 2 четв., членъ управы — продовольственный ревизоръ — 6 мѣръ, уѣздное собраніе — 1 мѣру, губернская управа — 1 ф.; губернское же собраніе или отклоняетъ, или утверждаетъ ссуду.

Докажемъ это цифрами:

Названіе уѣздовъ, нуждающихся въ продовольствіи.	Просимая ссуда. Уѣздной земской управой.	Уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.	Губернской земской управой.
Обоянскій	800,000	150,000	29,203
Корочанскій	70,000	70,000	26,964
Ново-Оскольск. . . .	1.319,797	200,000	24,042
Грайворонск.	50,000	50,000	22,241
Тимской	45,000	45,000	19,781
Бѣлгородскій	322,486	150,000	19,319
Старо-Оскольск. . .	1.794,478	50,000	18,666
Щигровскій	100,000	100,000	11,214
Фатежскій	50,000	40,000	12,211
Курскій	75,000	75,000	10,514
Суджанскій	425,000	Сколько можно.	5,845
Льговскій	15,000	15,000	—
Дмитріевскій	6,000	6,000	—
Итого . .	5.072,761	1.376,000	200,000

Ясно, что цифры, представленныя уѣздными управами, уменьшены уѣздными собраніями въ 5 разъ, а губернская управа эти послѣднія уменьшила еще въ 7 разъ. Удивительно ли послѣ этого, что мы и до сихъ поръ не умѣемъ бороться съ голодами. А между тѣмъ они насъ преслѣдуютъ по пятамъ! Изъ Зміева (Харьк. губ.) писали въ концѣ 1883 года слѣдующее въ «Южномъ Краѣ»:

«Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь повѣсился крестьянинъ Гнилицкій, находившійся въ такой крайности, что не имѣлъ средствъ на похороны умершей за день до его смерти жены. Къ кому изъ сосѣдей онъ ни обращался за помощью — дать нѣсколько рублей взаймы на похороны жены, — никто ему не помогъ. Итакъ, осталось ему одно: или украсть, или умереть. Послѣднее онъ предпочелъ, оставивъ безпомощныхъ дѣтей нищенствовать. Вскрытіе несчастнаго констатировало фактъ голоднаго истощенія организма. Говорятъ, семья Гнилицкаго уже много времени не имѣла достаточной пищи и питалась, главнымъ образомъ, картофелемъ, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Вообще здѣсь, не только въ нашемъ городѣ, но и въ большей части уѣзда, немало крестьянъ, питающихся, взамѣнъ чистаго ржанаго хлѣба, смѣсью овса, пшена, мучной пыли и т. д.»..

Изъ Рузы писали въ «Русскія Вѣдомости» отъ 20-го марта 1884 года:

«У насъ полный недостатокъ корма для скота. Съ осени сѣно продавалось по 15 коп., теперь 30 коп., солома отъ 60 к. до 1 р. за возъ. Начинаютъ раскрывать крыши для корма скота. Прошлый урожай ржи былъ плохъ, градобитіе нанесло убытка 36,000 руб., многіе не собрали сѣмянъ. Вслѣдствіе этого въ сѣверныхъ волостяхъ крестьяне вступаютъ въ обременительныя сдѣлки съ кулаками».

Изъ Сарапула (Вятской губ.) писали въ ту же газету немного раньше, отъ 22-го января:

«У насъ неурожай и эпизоотія. Многіе крестьяне, оставшись положительно безъ хлѣба и скота, крайне бѣдствуютъ, изыскивая всевозможныя средства какъ нибудь протянуться до будущаго урожая. Въ одномъ Тарасовѣ Мазунинской волости 30 семействъ существуютъ нищенствомъ и 43 семейства перебиваются съ копѣйки на копѣйку, сидя по 3 и болѣе сутокъ безъ куска хлѣба. Въ заработкахъ, которые дали бы населенію возможность кое-какъ просуществовать этотъ тяжелый годъ, ощущается большой недостатокъ, и часть крестьянъ поневолѣ должна просить милостыню».

Изъ Вятки писали отъ 4-го марта въ ту же газету:

«Еще въ декабрѣ на губернскомъ собраніи предсѣдатель губернской управы заявилъ, что въ Елабужскомъ уѣздѣ крестьяне питаются желудями. Это извѣстіе подтвердилось недавно сообщеніемъ губернатора въ губернскую управу. Губернская управа увѣ-

домила елабужскую управу, чтобы она поторопилась съ приговорами обществъ о полученіи ссудъ и провѣркой ихъ, безъ чего управа ихъ не можетъ выдать.

«Сарапульская, малмыжская, уржумская и елабужская управы, уѣзды которыхъ сильнѣе всего пострадали отъ неурожаевъ и требовали ссудъ до 700,000 руб., не доставили никакихъ статистическихъ свѣдѣній о голодающихъ. Такое индифферентное отношеніе земства къ вопіющимъ нуждамъ населенія болѣе чѣмъ преступно, такъ какъ отъ своевременной помощи зависитъ будущность многихъ хозяйствъ и жизнь многихъ человѣческихъ существъ; а можно ли помогать своевременно, не имѣя точныхъ данныхъ?—приходится поступать гадательно, наобумъ. За 16 лѣтъ вятскому земству пришлось пережить много неурожаевъ и голодовокъ населенія, а нынѣ назначить въ ссуду послѣднія 183,000 руб. изъ продовольственнаго капитала, когда-то очень значительнаго (болѣе 650,000 р.); но за все это время намъ пришлось видѣть (въ 1878 г.) только одинъ отрадный починъ орловской уѣздной управы, благодаря которой во время неурожая мы имѣли подворное изслѣдованіе 3-хъ сельскихъ обществъ, состоящихъ изъ 643 хозяйствъ, что̀ прямо говоритъ за возможность другаго отношенія уѣздныхъ земскихъ управъ и собраній къ такимъ явленіямъ, какъ неурожай и голодъ».

Но самыя ужасныя вѣсти пришли въ 1884 году изъ Казанской губерніи. Докторъ Поповъ писалъ изъ Мамадышскаго уѣзда слѣдующее въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ» отъ 18-го марта:

«Наконецъ, заговорили и, кажется, серьёзно о голодѣ въ Казанской губерніи.

«Заговорили о немъ земство, администрація и частныя лица.

«Заговорили о голодѣ и у насъ.

«Оказалось, что голодъ у насъ даже гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Казанскомъ уѣздѣ.

«Передамъ исключительно то, что я самъ видѣлъ и слышалъ. Преувеличеній здѣсь нѣтъ. Въ настоящее время въ Мамадышскомъ уѣздѣ очень много деревень, которыя охвачены такъ называемымъ «голоднымъ тифомъ», т. е. тифомъ, развившимся на почвѣ крайняго голоданія. Есть деревни, въ которыхъ больныхъ по 48 человѣкъ. Посѣщая дома больныхъ, видишь крайнюю, чисто нищенскую ихъ обстановку. Не преувеличивая, скажу, что половина этихъ домовъ не знаетъ, что она будетъ ѣсть завтра, и вмѣсто всякихъ лекарствъ проситъ хлѣба. Да и въ самомъ дѣлѣ лекарство здѣсь не было ли бы камнемъ вмѣсто просимаго хлѣба? Есть и такія деревни,—и я въ качествѣ врача ихъ и, если нужно, укажу ихъ,—гдѣ какихъ либо болѣзней—тифа и прочихъ нѣтъ, но есть... опять-таки недостатокъ хлѣба. Люди «лежатъ» больные сильнѣйшими гастритами, развившимися единственно благодаря присутствію въ хлѣбѣ крайне неудобоваримыхъ примѣсей. Но есть, ко-

нечно, и много такого, чего я не знаю. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, притомъ люди, которыхъ нельзя заподозрѣть въ особой чувствительности, передавали мнѣ, что они встрѣчали такія картины голода, отъ которыхъ и у нихъ навертывались слезы. Мякина, желуди, кора и прочее—все это такія обычныя вещи, что о нихъ я не говорю: знаю, что сердце современнаго человѣка ими не проймешь. Сегодня, когда я пишу эти строки, у меня перебывали многіе десятки людей, и это потому, что узнали, что я состою участникомъ при раздачѣ нѣсколькихъ сотъ пудовъ хлѣба, вчера привезеннаго въ нашу деревню и купленнаго на пожертвованныя деньги. И объ этомъ ихъ никто еще не извѣщалъ. А сколько ихъ явится завтра, послѣзавтра—тогда, когда объ этомъ узнаютъ всѣ? Но все это—теперь, а что будетъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, черезъ три? Однимъ словомъ: хлѣба!—вотъ крикъ, который раздается по Мамадышскому уѣзду. И чѣмъ далѣе, тѣмъ этотъ крикъ будетъ раздаваться больше и больше. Скажутъ: что же дѣлаетъ земство? Но продовольственный капиталъ уѣзднаго земства уже давно истощился».

Отъ 25-го марта писали изъ Казани въ «Русскія Вѣдомости»:

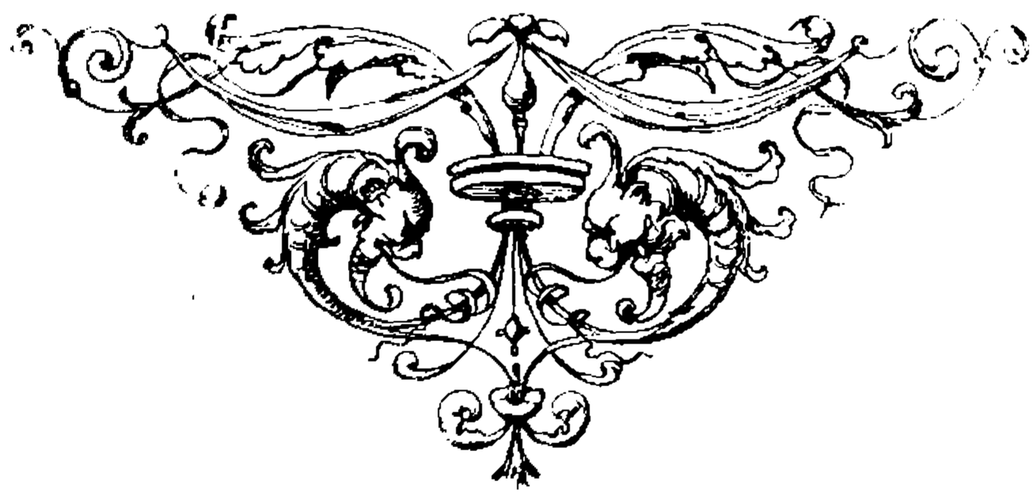
«На улицахъ масса нищихъ; большинство изъ голодающихъ селъ Мамадышскаго, Казанскаго и другихъ уѣздовъ; они приходятъ съ грудными дѣтьми и дѣтьми отъ 6 до 12 лѣтъ. Тяжело глядѣть на эти страдающія, изнуренныя лица; ихъ просьбъ даже не слышишь, а видишь только протягиваемыя руки. Скорѣйшая помощь необходима: народъ изнуренъ голодомъ и болѣзнями. Хлѣбъ, которымъ питается это населеніе, просто ужасенъ! Это какая-то сѣро-зеленая твердая масса съ затхлымъ запахомъ и отвратительнымъ вкусомъ». Образецъ этого хлѣба былъ доставленъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей».

Баронъ Икскуль, командированный министромъ внутреннихъ дѣлъ для разслѣдованія причинъ и степени голода въ Казанской губерніи, возвратился 25-го марта изъ поѣздки по тѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ гнѣздились нищета и голодъ. Посѣтивъ Мамадышскій, Казанскій и Чистопольскій уѣзды, баронъ Икскуль пришелъ къ заключенію, что хотя экономическій бытъ крестьянъ Казанской губерніи достигъ крайнихъ предѣловъ разрушенія, но при достаточной энергіи этотъ недугъ излѣчимъ. И опять, какъ и во время прежнихъ голодовъ, мы встрѣчаемъ тотъ же фактъ нашего неумѣнья сблизить людей съ хлѣбомъ.

Въ то время, когда Казанская губернія голодала и казанскій мужикъ, вмѣсто хлѣба, ѣлъ какую-то прогорклую гадость, на волжскихъ и камскихъ пристаняхъ Казанской губерніи лежали слѣдующіе склады хлѣба:

На Чистопольской	400,000	четв.
» Мамадышской	200,000	»
Между городомъ Чистополемъ и устьемъ Камы	100,000	»
На Чебоксарской.	100,000	»
» Цивильской	100,000	»
» Тетюшской	250,000	»
» Спасской	150,000	»
» Казанской.	40,000	»
» Соболевской	30,000	»
» Лобышской	20,000	»
» Козловской	15,000	»
» Козьмодемьянской	15,000	»

Всего же въ Казанской губерніи сконцентрировалось до 1.720,000 четв. хлѣба.

Такимъ образомъ со времени князя Щербатова у насъ ничего не измѣнилось: тотъ же голодъ, тотъ же ужасный хлѣбъ!

В. Щепкинъ.